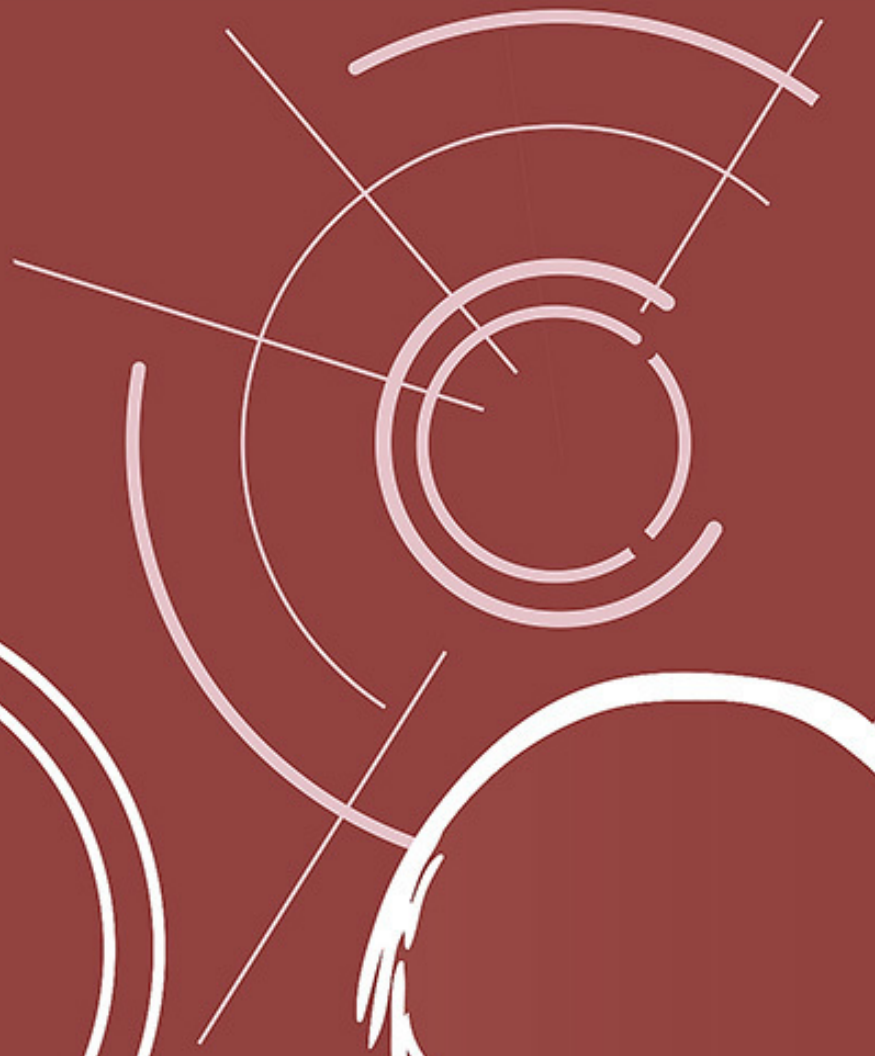

В. Кулаков

**ПОД
КУПОЛОМ
НЕБЕС**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Владимир Кулаков
Под куполом небес

«Горизонт»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Кулаков В. А.

Под куполом небес / В. А. Кулаков — «Горизонт»,
2018 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Роман «Под куполом небес» является окончанием трилогии, вслед за романами «Сердце в опилках» и «Последняя лошадь». Автор прослеживает жизни своих героев на протяжении почти двух десятков лет. Из подростков они превращаются в молодых людей, зрелых артистов. В книгах много остросюжетных событий, подчас драматических, но много и юмора, который уравновешивает повествование, делая его объёмным и зримым. Автор пишет ярко и кинематографично. Ощущение, что смотришь захватывающее кино. Читатели представят себе жизнь артистов цирка, их чаяния, проблемы, радости. Они окунутся с головой в удивительный мир цирка, закрытый от постороннего взгляда обывателя, но так похожий на мир обычных людей. Откройте книгу, погрузитесь в неё. Сможете ли оторваться? Хм, посмотрим...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

© Кулаков В. А., 2018
© Горизонт, 2018

Содержание

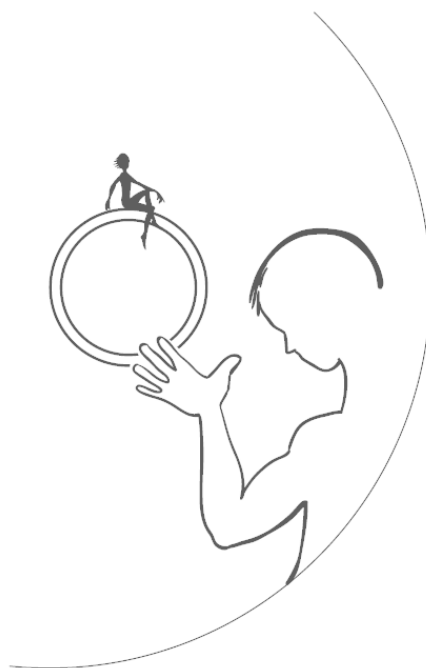
От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кулаков

Под куполом небес

© В. А. Кулаков, автор, 2019

* * *

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то – правда. Но где что, теперь трудно определить, столько времени прошло...

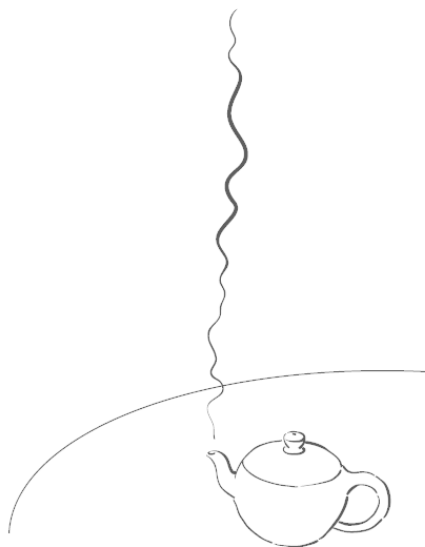
События книги происходят в середине девяностых годов теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех одна человеческая цивилизация сменила другую...

Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце.

Изменился цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд, причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Человеческая Любовь...

* * *

*Им я и посвящаю эту книгу...
Под куполом небес голубых,
Под музыку сердец молодых*

*Мы будем играть с тобой,
Будем играть на бис...*

The Stokes

Глава первая

Семейная жизнь Пашки Жарких и Светы Ивановой дала трещину...

За четыре года у них не было ни измен, ни особых скандалов. Всё происходило вроде по нарастающей – с каждым днём интересней и... слаще. Но...

Они зашли в своих отношениях Мужчины и Женщины в какой-то тупик. На смену зною пришла неожиданная промозглая слякоть. Наступил кризис. Отношения потрескивали, как трещит под ногами отчаянных рыбаков ещё неокрепший лёд.

Заметно постаревший, но всё ещё крепкий Захарыч, как мудрый филин, молчал, тревожно посматривал на дорогих его сердцу людей, украдкой вздыхал и шептал что-то в свою седую бороду – то ли читал молитвы, то ли философствовал: «Эх, молодёжь, молодёжь! Всем уже за тридцатку, а всё ещё как дети!..»

Пашка пытался выровнять отношения, вызывал на откровенные разговоры Свету, но та, от природы не очень многословная, всё больше грустно молчала или отвечала неохотно и односложно. Дома старалась быть как можно меньше, всё своё время проводила на конюшне. Отрепетировав, Пашка бродил по незнакомым улицам гастрольных городов, пытался отвлечься и забыться, пребывая в унынии и отчаянии. Он ходил с ума, не понимая, что происходит. Тут ещё Венька, зараза, крутился под ногами со своими плохо скрываемыми вздыханиями к Свете. Смотрел на неё все эти годы телячьими глазами. Друг, называется!.. Он стал работать в их номере служащим по уходу за животными сразу после той памятной аварии, когда, спасая автобус с цирковыми, они сами едва не погибли на Венькиной «Волге». Потом, когда оклемались, Пашка долго на него дулся, чуть не набил морду, узнав, что Венька его обманул. Он тогда купился на его слова о беременности Светы. На мгновение мечтательно расслабился, представил себя отцом. Этого Веньке хватило, чтобы на полном ходу вытолкнуть друга из почти убитой машины, летящей лоб в лоб с автобусом, у которого отказали тормоза...

Совсем растерялся Пашка, когда узнал, что в скором времени им придётся работать в одной программе с его бывшей женой Валентиной и её полётом «Ангелы».

Все эти годы Валентина ненавязчиво давала о себе знать телеграммами к Новому году, открытками ко дню рождения. Иногда даже поздравляла Свету. Вроде ничего страшного – скупые, подчёркнуто традиционные пожелания здоровья и счастья. Но этим она как-то хитро, психологически тонко лишала их со Светой покоя и душевного равновесия. Валентине никогда не отвечали. Да она, скорее всего, и не надеялась на это. Но, как та капля воды, долбила камень не силой, а частотой падения... И вот – встреча! То, что она её спланировала, можно было не сомневаться. От обещания «вернуть Пашку», данного после развода, она явно не отказалась, хотя прошло немало времени...

Валентина по-настоящему его любила. Но это была какая-то странная, гипертрофированная любовь садомазохиста к плётке, искорёженная философией свободы в семейной интимной жизни, где было незыблемым: «Моя душа – тебе, мой милый, а вот тело, извини – по моим потребностям! Главное ведь – Душа, не правда ли?..»

Потом, при редких встречах Валентина объясняла, что с той поры всё изменилось – она теперь другая. Но после всех мучений и болячек, которые Пашка перенёс, возврата к старому он не просто не хотел, он понимал: не дай бог ещё раз – погибнет!.. К тому же он любил Свету. В этом был уверен. Мог поклясться...

От предстоящего гастрольного маршрута отбойриться не удалось – Главк упёрся. Пашка намекнул на пикантность ситуации. Ему однозначно ответили: «Чай вместе можете не пить, а работать будете! Это – производство. Если каждому будем менять разрядку из-за бывших жён и мужей, то не хватит городов. У некоторых из вас вообще не биографии, а сводки из залов суда по неоднократным бракоразводным процессам – рецидивисты, блин, амурных

дел!..» Вердикт был простым: «Месяц потерпите, дальше решим». И никаких лишних телодвижений, которые могут привести к повышенной деторождаемости!..

Пашка совсем загрузил. Пришёл к Захарычу за советом. Они закрылись в шорной и долго о чём-то говорили. От человека, заменявшего ему все эти годы отца и мать, он вышел успокоенным и решительным. Захарыч перекрестил его в спину и в очередной раз вздохнул – ситуация хрупкая, тонкая, как паутина!.. Ноги коснулась Варька. Захарыч на ощупь потрепал её густую шерсть. Собака в ответ лизнула руку. Старик продолжал смотреть во след Пашке. Высокий, стройный, талантливый!.. По сердцу прошла тёплая волна любви и жалости. «Господи! Сколько же выпало на долю этого парня! Спаси и сохрани!..»

Они были знакомы больше пятнадцати лет, а ощущение – что всю его долгую жизнь. Собственно, это и были годы его настоящей жизни. Жил ли он до встречи с Пашкой? Вряд ли. Скорее, это были годы простого физического существования, не более того. Может ли жить человек без любви? Кто-то, наверное, может. Захарыч не представлял себе этого... Потом в его жизни появилась Света Иванова, чуть позже друг Пашки Венька Грошев. Красивые, молодые ребята! Как он жил без них? И как будет жить, если что... Захарыч посмотрел на Варьку, та преданно, всё понимая – на него. Вильнула хвостом.

– Стареем мы с тобой, Варюха-горюха! Стареем...

Захарыч вернулся в шорную, где по своей давней привычке работал и жил. Цирковые гостиницы он не любил. Всю жизнь поближе к лошадям, подальше от суеты...

Захарыч присел на сундук, который служил ему ночью кроватью, а днём диваном. Опустил натруженные, здоровенные мужицкие руки и замер. Подошла Варька, положила голову на колени. Тихо скульнула, в очередной раз заглянув в глаза. Заскорузлая ладонь Захарыча снова прошла по хребтине собаки: «Старый, надёжный друг!..» Он закрыл глаза, улетел в воспоминаниях на пятнадцать лет назад...

Глава вторая

Когда последние листья мягким шуршащим ковром улеглись на улицы города, позолотив парки и тротуары, а по утрам лужицы стали покрываться тонкой слюдяной коркой льда, цирковой конюх, он же берейтор – мастер дрессуры лошадей Никита Захарович Стрельцов, – нашёл у ворот цирка подброшенного лохматого щенка. Тот отчаянно верещал, взывая к совести мира, который так жестоко швырнул его в холодную лужу, оставив за дверью надёжную тёплую маму и так хорошо начинавшуюся жизнь.

Захарыч принёс трясущееся, повизгивающее существо на конюшню. Это была обыкновенная дворняжка с какой-то породистой примесью. Щенок жадно выпил целое блюдце молока, отогрелся и в знак благодарности оставил «автограф» на новом коврикe Захарыча.

– Вот варвар! Испортил ковёр! Хомут тебе в дышло!..

– Захарыч, это не варвар, это Варвара, посмотри внимательней! – молодой помощник Стрельцова Пашка Жарких демонстративно хмыкнул, подчеркнув своё превосходство в знании сей деликатной темы полов. – Это «кобелиха».

– Понимал бы! Кобелиха!.. Сам ещё существо неопределённого пола, учить меня будешь! – Захарыч наигранно строго окоротил Пашку, хотя в его глазах балаганными скомо-рохами прыгали весёлые чёртики. С этим смышлённым парнишкой они встретились почти два года тому назад и с тех пор не расставались ни на минуту. Вместе работали служащими по уходу за животными в крупном номере джигитов-наездников «Казбек».

Старик поднял щенка и внимательно пригляделся.

– Хм! Точно – Варвара! Что ж, тоже подходящее имя для собаки...

Так Варька появилась в хозяйстве Захарыча. Пашка с ней возился каждую свободную минуту, забывая о работе на конюшне, за что регулярно получал нагоняи от своего наставника.

Через полгода Варька превратилась в крупную, серую с рыжей подпалиной собаку, напоминающую овчарку, с большими умными глазами. У неё был такой пронзительный «человеческий» взгляд, что все поражались: ну, вот только не разговаривает!..

Вечерами, когда в цирке заканчивалось представление, все расходились кто куда. Пашка шёл ночевать в гостиницу. Захарыч, как обычно, ковырялся в шорной до глубокой ночи. Варька лежала на своей подстилке – старом панно, на котором когда-то выступала известная парфорс-наездница и внимательно следила за руками Захарыча. Тот либо шил очередной чепрак для наездников, либо плёл свои знаменитые на весь цирковой мир хлысты-арапники.

Его шорная пропахла кожей и лошаадьми. Это было царство уздечек, подпруг, всевозможных сёдел и стремян. Все стены были увешаны конской сбруей. Некоторые вещи имели вековую историю. Например, старинный длинный хлыст-шамбарьер – по слухам, самого господина Чинизелли! Великого мэтра! Здесь был своеобразный музей, куда любили приходить цирковые – посмотреть, послушать рассказы Захарыча, отведать его фирменного чайку.

В шорной едва умещались деревянный сундук с металлическими оковами по углам, небольшой стол и старинный кожаный кофр, который хранил цирковые тайны. В этой тесной комнатухе без окон, при конюшне, Захарыч работал и жил. Здесь жила и Варька. Цирк стал ей и домом, и судьбой...

Алый манеж кипел жизнью, отмеряя сезоны стрелками часов на циферблате арены. Земля во Вселенной лихо накручивала обороты, как жадный до денег счётчик в городском такси...

Подошло время стать Варьке матерью. Она принесла четырёх симпатичных «варваров», как сообщил Захарыч, которые поселились в сарае цирка, где хранилось сено.

Однажды по чьей-то оплошности сено в сарае загорелось. Ушедшая на минуту от своих детёнышей Варька с воем бросалась в огонь. Захарычу с трудом удалось поймать её и уса-

дить под замок, пока тушили пожар. Огонь перекинулся на край конюшни, где стояли лошади. Дым, ржание лошадей, крики людей, тревожные сирены пожарных машин навсегда врезались в память собаки.

Конюшню потушили, основательно залив водой. От сарая остались чёрные дымящиеся головешки, а от Варькиного счастья – пахнущие дымом воспоминания да горькая пыль пепелища...

Два дня она надрывно выла, вызывая у всех озноб. На третий притащила откуда-то в зубах чёрного котёнка и успокоилась.

Так на конюшне в хозяйстве Захарыча появился кот... Земля вновь накрутила оборотов во вселенной, как воздушный гимнаст на лопинге. Время прошуршало листками календаря, пропело вьюгами, отзвенело ручьями.

Чёрный, как вороново крыло, с белым галстуком и белыми кончиками лап подросший Варькин воспитанник всё чаще привлекал внимание окружающих. Если кто-то унизительно для его слуха звал «кис-кис», он медленно поворачивал зеленоглазую усатую морду и, презрительно шурясь, дёргал кончиком хвоста. За свою величественную походку и красоту кот получил всеобщее признание и соответствующую кличку Маркиз. Крысы, которые до того припеваючи жили на конюшне, притихли и попрятались. Кот стал властителем их дум и вершителем судеб.

Каждый вечер Маркиз устраивался спать в уютной мохнатой шкуре «мамы Вари». Прежде чем улечься, кот основательно топтал передними лапами бок собаки, урча, как маленький мотороллер. Варька, развалившись, блаженно улыбалась, обнажая белоснежные клыки, и играла кончиком влажного языка в такт своему учащённому дыханию. Она взвизгивала, угрожающе клацая зубами, когда когти увлётшегося кота впивались в её тело, но тут же успокаивалась. Маркиз на мгновение останавливался, смотрел с укоризной на «маму», мол, любишь – терпи! Продолжал топтаться и урчать на всю шорную...

Однажды кто-то в цирк принёс цыплёнка. Он забрёл на конюшню, где в это время прогуливался Маркиз. В последнем проснулся хищник, и он начал охоту. Кот загнал цыплёнка в угол между ящиком с реквизитом и стеной денника, стал медленно наступать. Усы его топорщились, зелёные глаза пылали, светились азартом и торжеством превосходства. Расстояние сократилось до удара лапой. Кот потянулся к цыплёнку и... тот обречённо запищал, закрыл глаза и отчаянно клюнул молодого хищника в нос. От неожиданности Маркиз мяукнул, сделал сальто-мортале и сразу признал право цыплёнка на жизнь и независимость.

Наблюдавшие за этой сценой Пашка с Захарычем насмеялись вдоволь и пошли соорудить для маленького героя закуток.

– Так, – рассуждал Стрельцов. – Теперь их на моей шее трое. Нет! С Пашкой – четверо...

Прошло время. Вскормленный в дружной семье Захарыча молодой петушок впервые, тенорком, прокукарекал. Свою петушину арию он исполнял не так, как его родственники, а как-то «по-иностранному». Сначала он пропевал своё международное «ку-ка-ре-ку-у!..» и на последнем слоге, когда заканчивалось дыхание, вдруг неожиданно вдыхал, вопросительно добавляя «да-а-а?..», как бы удивляясь самому себе. Выходило очень забавно и необычно.

Артисты наградили певца за чистый голос и «иностранное произношение» итальянским именем Петруччио. Так в кругу цирковых появился третий всеобщий любимец.

Любопытно было наблюдать за животными, когда они спали. Варька – на панно, свернувшаяся в клубок, сверху на животе у неё – Маркиз, над ними, на жёрдочке, – Петруччио. Этакая цирковая пирамида дедушки Дурова. Повернётся ли во сне Варька, потянется ли во сне, зевая, Маркиз, Петруччио тут же вскинет голову и забеспокоится:

– Кто-кто-кто?..

Рано утром, только первый лучик пробьётся в широкие окна конюшни и приоткрытую дверь шорной, Петруччио будит всех своим приветствием:

– Ку-ка-ре-ку-у!.. – И обязательно спросит в конце: – Да-а-а?..

– Да, – привычно ответит Захарыч и ворчливо добавит: – Спи, патефон, ещё только четыре часа утра...

Программа, закончив зимний сезон, перебралась из стационарного цирка в летний передвижной цирк-шапито «Дружба». Известному цирковому берейтору Никите Захаровичу Стрельцову выделили отдельный вагончик под жильё, шорную и его животных. Переезжали, как правило, раз в месяц из одного небольшого городка в другой. Грузовики с прицепами перевозили разборные зрительские места, брезентовый шатёр шапито, барьеры манежа, мачты цирка, разрисованные рекламные щиты-плакаты, вагончики для артистов, коневозки для лошадей и прочую цирковую утварь. Этот пёстрый караван, сопровождаемый автоинспекцией с мигалками, растягивался на добрый километр, привлекая зрителей задолго до начала гастролей.

Затем где-нибудь в парковой зоне очередного города шло строительство передвижного цирка, которое постоянно собирало зевак с одним и тем же нетерпеливым вопросом: «Когда же?..»

По окончании гастролей цирк разбирали и ехали дальше, оставляя после себя едва заметный круг от некогда стоявшего здесь манежа, лёгкую грусть и добрую память... Нежаркое лето радовало погожими деньками, провинциальные городки – своим радушием и спокойным, размеренным укладом жизни. Гастроли шли своим чередом... Как-то на одном из представлений произошла заминка. Исполняя трюк, один из акробатов неудачно упал, и артисты, прервав номер, покинули манеж – нужна была медицинская помощь. В зрительном зале наступила томительная тишина, круг цирковой арены пустовал. Дирижёр вопросительно смотрел из оркестровки вниз на молодого и пока ещё неопытного инспектора манежа. Тот растерялся и решительно не знал, что делать... Вдруг послышалось:

– Кто-кто-кто...

На арену притихшего цирка-шапито вышли Петруччио, Варька и Маркиз.

Варька с удовольствием вытянулась на прохладном мягком ковре. Петруччио, распушив на шее воротник, поклёвывал что-то в опилках и, «ктокая», приглашал друзей отобедать. Маркиз потянулся и попробовал на прочность цирковой ковёр, «поточив» когти.

Зрительный зал пришёл в движение от такого странного трио, считая это началом очередного номера.

Ещё более растерявшийся инспектор приказал убрать посторонних.

Униформист, долговязый парень с вечно заспанным лицом, стал гнать с манежа не указанных в программе «артистов»:

– Кыш-ш!..

Кот угрожающе выгнул спину, Варька зарычала и громко залаяла. Петруччио вдруг захлопал крыльями и, как горн, призывающий к атаке, голосисто заорал, возмущённо добавив в конце свой извечный вопрос.

...Под общий хохот инспектор с униформистами ловили не желающих уходить с манежа животных. Поймают Петруччио – тут как тут Варька с Маркизом. От их когтей и зубов желание подержать вырывающегося петуха мгновенно пропадало. Схватив орущего Маркиза, незадачливые ловцы тут же узнавали крепость петушиного клюва и шпор, а заодно и Варькиных клыков.

Находчивые музыканты заиграли весёлую музыку. Потасовка на манеже проходила лучше всякой клоунады. Публика чуть не рыдала от хохота, когда петух с собакой догоняли убегающего инспектора манежа. Кто кого ловил, понять было невозможно. Лай, воинственный вой кота, крики и смех людей, петушиные вопли и весёлый музыкальный галоп превратили досадную паузу в феерический развлекательный аттракцион.

Прибежавшим на шум Захарычу и Пашке с трудом удалось увести с манежа буйную компанию. Под овации зрителей униформист побежал менять разорванные Варькой штаны. Инспектору манежа ничего не оставалось делать, как смущённо раскланиваться, прикрывая расцарапанную щёку, и поправлять съехавшую в сторону «бабочку».

Дирижёр, еле сдерживая слёзы от смеха, бурно аплодировал новоиспечённому «укротителю домашних хищников» и при этом ещё успевал дирижировать оркестром, который исполнял на максимальном «форте» бравурный марш. Представление было спасено. На следующий день толпа зрителей устроила директору цирка-шапито обструкцию. Они шумно возмущались, почему не работает дрессировщик с петухом, котом и собакой, а только стоит и объявляет номера?..

...Подросший, возмужавший Маркиз в очередной свой «март» не вернулся к Захарычу. Была надежда, что он где-то обрёл своё кошачье счастье...

От Петруччио остался только похожий голос в электронном будильнике. Век птицы невелик...

Жива-здоровая Варька.

Возмужал и стал классным жонглёром воспитанник и гордость Захарыча – красавец Пашка Жарких...

Глава третья

Венька прикипел к этой работе и не представлял себе другой. Наконец, его мятушаяся мечтательная натура обрела определённый покой и смысл. Во-первых, он имел возможность колесить по стране, ежемесячно меняя города. Во-вторых, ему нравилось быть при лошадях. В-третьих, рядом был друг Пашка, в-четвёртых, Захарыч, который за эти несколько лет сделал из него неплохого берейтора, готовя себе замену, научил премудростям работы с лошадьми, пошиву конских сбруй и плетению арапников. С лошадьми проблем не было, а вот с остальным дела обстояли похуже. Запах сыромятины будоражил, волновал, даже заводил. Но орудовать шилом, специальными иглами, навощённой драгвой, сшивать толстые куски кожи – в сё это требовало невероятного терпения, времени и призвания. Исколотые руки Веньки горели огнём, постоянно были в незаживающих ранах, что не нравилось ему совершенно. К тому же на одном месте более получаса он усидеть не мог. Но, видя, как работает старик, сколько отдаёт шорному делу сил и любви, виду не показывал, тянул эту лямку из последних сил, как маломощная кляча в гору – бочку с водой...

Его работа была не трудной. Рутинной – да! Но не тягостной. Вместе с ним на равных, бок о бок, ежедневно трудилась Света – руководитель номера. Не гнушался «чёрной» работы и Пашка. Постоянно подключался Захарыч. Управлялись они с лошадьми быстро, споро и как-то весело. Это была семья...

Венька Грошев был простым служащим по уходу за животными. Получал за это сущие копейки. Но менять свою судьбу не собирался. И дело было не «во-первых, во-вторых, в-третьих» и даже не «в-четвёртых». Главное заключалось – в-пятых!..

Венька был влюблён... Давно. Тихо и безо всякой надежды. Влюблён в Свету. С первого мгновения, как только увидел её тогда в шапиту. Он жил себе спокойно, работал и ни о каком цирке думать не думал. Вкалывал таксистом, мечтал о новой машине и небесных кренделях. Тогда на «Последней лошади» – как он называл свою развалюху «Волгу», привёз с вокзала Пашку, который приехал в их город на гастроли. Это здесь же позже объявится Валентина и всё обрушит, как бульдозер хлипкую халупу. Это тогда Света лежала чуть живая у него дома, и его мать выхаживала её. Это тогда они с Пашкой чудом остались живы. Внизу, в карьере – его искорёженное горящее такси, а они, крепко «покоцанные» – на краю обрыва, на волоске от неизбежного. Четыре года как один день...

Венька смотрел на Свету преданными глазами, ловил каждое её слово, готов был за неё в огонь и воду, но никаких телодвижений в сторону сближения себе не позволял даже намёком. Света Иванова была женой Пашки, его друга, а это – свято! Без оговорок и каких-либо смягчающих обстоятельств. Венька чтит кодекс чести мужской дружбы. За нарушение подобных вещей в его рабочем посёлке без всяких сожалений пацаны отрывали головы и заклётым врагам, и близким друзьям.

Хорошо ли ему жилось? Скорее да, чем нет. Но... Хотелось семьи, тепла, какой-то надёжности. Пока он чувствовал себя какой-то добавкой, приправой к блюду под названием жизнь. Он был – при лошадях, при Пашке, при Захарыче и при Свете. Это «при» и было его постоянной саднящей болью, хорошо скрываемой и от друзей, и от самого себя...

Когда в его молодой жизни кто-то появлялся, это тут же становилось объектом незлых шуток типа: «Наконец-то, погуляем! Сватами будем!» Или: «Чур, крёстной буду я!» Венька каждый раз смущался, отбрыкивался. Особенно если на эту тему шутила Света. Стоило какой-нибудь пассии из новой программы в её присутствии заглянуть на конюшню, тот делал всё, чтобы эта красотка вылетела оттуда быстрее чемпиона мира по спринту. Он тщательно оберегал свою личную жизнь от глаз Светы. Так время и шло...

В предыдущем городе Венька стал героем. За что получил восхищённые взгляды от Ивановой и её похвалу. Венька целую неделю ходил сияющим, в приподнятом настроении, словно его наградили медалью за доблестный труд. Его золотая фикса на блатной манер, которой он втайне гордился, сияла во рту той самой золотой звездой героя. Собственно, так оно и было. Только дело обошлось без медалей и звёзд. Всё было проще. Ему за «содеянное» выписали денежную премию, большую часть из которой он потратил на дорогой букет Свете.

Как-то в первую неделю гастролей нужно было поехать за сеном. Оказалось – не на чем. Директор сказал, что машину придётся арендовать в городском автохозяйстве. Предложил это сделать в складчину. После крепкого «нерукопожатного» разговора он открыл гаражный бокс и показал седой от пыли грузовик. Тот уже третий год стоял на приколе мёртвой грудой металла и немим укором всему человечеству, которое его, автобедолагу, сначала изобрело, а теперь бросило на съедение ржавчине. «Сами, сами... – увещевал директора провинциального цирка ничего не могущий Главк. – У нас тут и без вас целый воз плоходвижимой недвижимости, которая и ехать толком не хочет, и подышать не собирается». В жизни отечественного цирка ситуация сложилась прямо-таки сексуально-революционная: те, кто снизу, больше не хотели хотеть, а те, кто сверху, давно ничего не могли мочь...

Венька мог! Ему нужны были только инструменты и хотя бы один помощник. Безлошадный завгар согласился с восторгом и энтузиазмом.

Теперь Венька исчезал сразу после утренней репетиции с лошадьми и их кормёжки. Появлялся ненадолго среди дня помочь по хозяйству, согласно своему штатному расписанию. Выходил, как положено, ассистировать в номере на представлении и после вечерней кормёжки животных снова исчезал в боксе гаража. На вопрос Захарыча: «Куда?» – отвечал коротко: «В ночное!..»

Автослесарь высокого разряда, рождённый среди карданных валов, карбюраторов, дисков сцепления и всего прочего, среди чего рождаются потомственные автомобилисты, как цирковые – в опилках, теперь был на вершине блаженства и счастья. Живых лошадей он сменил на лошадей, пока ещё разобранных по болтикам и винтикам. Сменил без всякого сожаления. И вот настал тот час, когда цирковой двор оглушил рык ожившего мощного мотора и из бокса медленно выехал ослепший от темноты заточения грузовик... Директор скакал на одной ножке вокруг ЗиЛ-130 и не верил своим глазам:

– Спаситель! Чудотворец! Дай я тебя расцелую!

Света тоже поцеловала запачканную щёку:

– Венька! Я тебя люблю!..

Тот, исхудавший, вытирая ветошью жилистые, много что умеющие руки, засмутился, опустил взгляд. Потом лихо вскочил на подножку кабины, и через мгновение грузовик выписывал фигуры высшего автомобильного пилотажа, пробуя тормоза и коробку передач на переключения. Всё работало как часики!..

Глава четвертая

– Захарыч! А чего ты как-то не по-русски называешь эту штуку, «шамберьер»? Ты ж всё время, как и другие, говорил «шамбарьер». Хм, «шамберьер»! – Венька с ехидцей в голосе спародировал Захарыча, добавив немного французского прононса.

– А-а, заметил!.. Настроение у меня сегодня такое – лекцию тебе, недорослю, прочитать. А то ты уже столько лет в цирке, а всё выражаешься, как помощник автослесаря на подхвате: «штука», «кажашка», «хреновина», «агрегат». Постеснялся бы старика! – Стрельцов, невзирая на все Венькины заслуги, тоже не без удовольствия вставил тому фитиль за его косноязычие в использовании циркового лексикона, который тот всё никак не мог усвоить.

– Некоторые говорят «шамберьер». Не страшно. Ты ещё и не такое услышишь. Знатоков типа тебя тут много... В цирке, Веня, вся терминология – сплошь иностранщина. Можно, конечно, назвать арапник кнутом, форпайч – хлыстом, шамбарьер – бичом, и всё остальное обозвать по-русски. Но иностранное здесь в основе испокон веку, правда, всё равно на наш манер. Эту «штуку», – Захарыч не преминул уколоть Веньку за фамильярное отношение к названиям циркового реквизита, – правильно вообще называть шамбриер. Слово-то французское. Да кто ж так ломать язык станет! Вот и говорит каждый, как хочет, со сноской на «русский ветер». Лишь бы было понятно, о чём речь. Ладно, хватит лекций! Давай, шагай «нах шталл», хомут тебе в дышло!

Венька поднял на Захарыча недоумённый взгляд. Куда-то послали... «Нах» он услышал конкретно. Уже было собрался обидеться, но Стрельцов опередил переводом:

– На конюшню, говорю! Пора «арбайтен», цирковед...

Пашка лошадей любил. Понимал их. Они его. Он связан был с ними с тех пор, как попал в цирк. Когда номер «Свобода», как манна небесная, свалился на головы Захарыча и Пашки, он растерялся. Захарыч его убеждал, что конный номер в цирке – это статус! Это надолго, не то, что жонглёрский век. Но, хорошо подумав, возглавить номер Пашка отказался. Свою жонглёрскую свободу на «свободу» конную он менять не стал. По-прежнему её зачем-то упорно хранил, как некоторые дамы – девственность. Но от судьбы не уйдёшь. Появилась Света Иванова, которая через какое-то время стала его женой и руководителем этого конного номера. Он помогал ей, как мог. Помимо жонглёра, стал работать простым служащим по уходу за животными. Подтянул в этот номер своего друга Веньку. После жонглёрских репетиций часами репетировал с животными. Но избегал создания совместного номера со Светой, как его ни уговаривали. Причину он и сам не мог объяснить. Душа сопротивлялась – и всё тут!..

Лишь однажды он согласился на репетицию «Высшей школы верховой езды». Специально для Пашки Захарыч полгода готовил Сатурна, чтобы в дальнейшем сделать семейную парную выездку. Пашка держался в седле уверенно, красиво, статно. Но это была не привычная джигитовка, как когда-то в номере «Казбек», с которого началась его цирковая биография. Тут всё было по-другому. Совсем по-другому...

– Паша! Давай без стремян. – Захарыч стоял рядом в центре манежа, придерживая Сатурна, успокаивал того, похлопывая по влажной шее. Заметно волновались и седок, и конь. – Просто почувствуйте друг друга. Пока пошагаем. Потом попробуем трензелями. Дальше можно будет вообще управлять только корпусом. Незаметно для зрителя чуть наклонишь корпус, конь поймёт, что от него требуется. Пока вы оба новички в этом деле. Тут, Паша, придётся терпеть и ждать результатов.

– Всю жизнь жду!.. – процедил Пашка сквозь зубы.

– Всё как у вас, у жонглёров – не единожды раздолбаешь пальцы в мясо, прежде чем трюк пойдёт! Помнишь, как мы тебе распаривали руки на ночь и синтомицинку привязывали до утра? Готовься, сынок, здесь будет то же самое...

Пашка со вздохом кивнул.

– А сейчас давай всё с самого начала. Слово ты никогда не знал, что такое конь. Нога прижата, пятка вниз, спина ровная, руки на холке. Дальше, чтоб начать движение, тебе достаточно пяткой подтолкнуть лошадь вперёд – ну, это ты знаешь. Постарайся в дальнейшем делать это как можно незаметнее. А пока, как получится, лишь бы Сатурн понял тебя и пошёл.

Пашка был мокрым до нитки. Сейчас бы шенкелем по крупу, гортанным криком «Хей-я-а!» и в галоп! Да куда там, конь под это не заточен. Это тебе не лихая джигитовка, тут дело деликатней. «М-да-а! Пока выгляжу, как извивающийся червяк на крючке рыбака. Лучше ещё часов пять-шесть пожонглировать, чем полчаса просидеть на этом едва двигающемся "скакуне"».

Пашка сопел, но отступать пока не хотел. Решение он уже принял: «Больше ни в жизни!» Но сегодня этот крест он собирался донести до самой Голгофы, то есть до финальной команды Захарыча: «Всё на сегодня. Домой!..»

– Захарыч! А чего Пашка шпорами не пользуется? Зря надевал, что ли? Для чего они тогда вообще нужны? – Венька вступил в беседу.

– Шпоры применяют, чтобы усилить действие шенкеля, и не более того. Пользоваться ими нужно, только чтобы дать почувствовать животному твою команду. Чуть-чуть, играючи. По правилам Международной ассоциации конного спорта вообще нельзя использовать чрезмерно острые шпоры, бить животное слишком сильно по крупу. Это считается откровенным варварством. Можно обойтись и без всего этого. Ну, или почти обойтись. У нас в цирке настоящие мастера на шпоры никогда не надевались. Только на ум лошади. И на свой, у кого он был... – Захарыч скривился, видимо вспомнив тех, у кого ум, как таковой, отсутствовал.

Отношение к животным в цирке у Захарыча было определённое. Он не подбирал слов для дрессировщиков, которые доминировали над подопечными, демонстрируя своё превосходство. Не дай бог, если Стрельцов встречался со случаями насилия над животными! Тут для него авторитетов не было – народный, заслуженный или ещё там какой – всё едино! Мог и в морду за это дать. В цирке об этом знали и помнили.

– Ну, а эта штукавина, как её... форпайч! Им-то ведь можно? – неунимался в своём любопытстве Венька, вспомнив и к месту употребив плохо запоминающийся термин, за что получил одобрительный взгляд Захарыча и хмыкнул: знай наших! – Чего он у Пашки под мышкой ночует?

– Это тоже не средство управления, скорее предмет для лёгкого наказания, если так уж припёрло. В работе с лошастью применяются три основных вида команд. Для тебя говорю, Веня! – Захарыч тут схитрил. Он скорее напоминал основы управления лошастью Пашке и Свете. Последняя сидела в зрительном зале и внимательно следила за репетицией.

Рисунок Арины Герасимовой

– Первое – тело. По тому, в какую сторону всадник наклоняется в седле, тренированный конь легко поймёт, что от него требуется. Второе – шенкель. Другими словами – внутренняя сторона ноги всадника от бедра и до ступни, прижатая к боку животного. Третье – поводья. Они, Веня, не рвут губы лошади, естественно, если не зверствовать, только направляют животное в нужную сторону. Дополнительным средством является хлыст, он же форпайч, имя которого ты, наконец, запомнил! – Захарыч послал Веньке взгляд, полный мёда. Тот, как пчела на патоке, довольный, разулыбался.

– Несмотря на угрожающий вид, он не способен причинить здоровью лошади ощутимого вреда. Это как указка в руках учительницы. Ей, конечно, можно треснуть двоечника за шалости! – Захарыч сурово посмотрел на Веньку. Тот понял – двоечник в цирке пока он...

– В работе с животными прежде всего – терпение и любовь. Подкормки и прочее – это лишь физические взаимоотношения. Добиться любви животного, понимания, чего от него хотят, – вот высшая цель дрессировки. – Захарыч снова строго и многообещающе посмотрел на Веньку, словно уже примерял к его бедной голове ту самую указку.

– Вот ты свои машины моешь, тряпкой протираешь, оглаживаешь, лоск наводишь. Лошадь не машина и не игрушка, у неё есть эмоции, она может испугаться, обрадоваться, полюбить всадника или испытывать к нему неприязнь. Потому и относиться к ней следует, как к живому существу: хотя бы иногда похлопывать по шее, что означает поощрение, подкармливать лошадиными лакомствами и проводить с ней время. К вопросу, почему тебя Сармат недолюбливает? Иногда животное может вести себя неприветливо, потому что имеет проблемы со здоровьем или ещё по какой причине. В твоём случае, он просто тебя ревнует к Свете. Так что будь осторожен! У плохо настроенного животного уши прижаты назад или стоят домиком, ноги напряжены, хвост и голова подняты вверх. Разговаривай с Сарматом, как с равным. Он понимает тембр голоса, интонацию, а значит, и смысл.

– Ага, значит, к Пашке он не ревнует, к тебе тоже, а ко мне ревнует. Нормально!

– Пашка – муж. Я близкий родственник, чего к нам ревновать?

– А я, значит, цветок в проруби! – Венька было обиделся.

Подошедшая Света чмокнула Веньку в щёку, тот заметно сомлел. Пашка сделал вид, что не заметил, отвернулся, дабы не огреть Веньку его любимым форпайчем. «Всё-таки выпросил, зараза!..»

– Ты, Венечка, больше, чем родственник! Ты – друг! И мой будущий партнёр по номеру – это я тебе обещаю!..

Глава пятая

Год назад они выпустили номер «Высшая школа верховой езды», который работала Света. Исполняла она его на Сармате. Захарычу удалось в короткий срок обучить этого норовистого коня ходить под седлом, что было весьма не просто. Заставить лошадь, работающую «свободу», носить на себе седока и исполнять «выездку» – дело почти невыполнимое. А тут – Сармат! Конь с необузданным норовом и неукротимым характером жоака. Секрет успеха заключался в том, что этот конь был феноменом. Захарыч почувствовал, что это возможно, видя одно обстоятельство. Обстоятельство тонкое, деликатное, возможно, самое главное – конь был влюблён в Свету. Она на него села. Он позволил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.